

Но в этой глуши, в холодный день, он вдруг почувствовал, что его руки и ноги, уже немного замёрзшие, словно впали в зимнюю спячку, и ему стало лень двигаться.

Он остался лежать на земле в том же положении, в котором упал.

Затем развёл руки в стороны и лёг на тонкий слой снега, покрытый сухими корнями травы.

Солнце на небе изо всех сил пыталось светить ярче, ветер на земле был слабым, и Су Шэнь даже попробовал протянуть руку, чтобы почувствовать его. Но облака двигались быстро, как в калейдоскопе, и вскоре выступы облаков закрыли солнце. Через некоторое время солнце снова выглянуло из разрыва в облаках.

Он глубоко вздохнул и громко рассмеялся.

Как же это глупо.

— Господа, — громко произнёс он.

Но, не закончив фразу, он прервал себя:

— Свиньи.

— Кошки, собаки, муравьи, здравствуйте.

Су Шэнь прищурился.

Зимний воздух был приятным.

Его инвалидная коляска лежала на боку, а он сам лежал на земле. Хотя он смеялся, со стороны это выглядело довольно странно.

Особенно учитывая, что это было кладбище.

Не успел он открыть глаза, как перед ним вдруг стало темно, и его слегка приподняли, слегка потрясли.

— Проснись, проснись, что с тобой?

Су Шэнь резко открыл глаза.

Мужчина, который его поднял, на мгновение замер, затем спросил:

— Ты в порядке?

Он промолчал.

В этот момент он не мог признаться, что просто ленился встать и решил полежать. Это было слишком глупо, особенно в такой холод, да ещё и в канун Нового года.

Поэтому в этой неловкой ситуации Су Шэнь выдал:

— С Новым годом.

— Отлично, — мысленно ругнул он себя.

Мужчина всё ещё держал его за спину, услышав это, он тоже замер, затем сухо ответил:

— С Новым годом.

После этого он замолчал, поднял инвалидную коляску и помог Су Шэню сесть в неё.

Молча.

Когда Су Шэнь устроился, он тихо сказал:

— Спасибо.

— Не за что, — мужчина оттолкнул его от хлопкового поля и отпустил только на дороге.

Су Шэнь снова сказал:

— Спасибо.

Мужчина не ответил, развернулся и пошёл обратно в хлопковое поле, помахав рукой на прощание.

Су Шэнь посмотрел ему вслед. Мужчина хромал, походка была неуверенной, и, заметив это, Су Шэнь почувствовал странное чувство. Как будто нашёл себе подобного.

Люди всегда были социальными существами.

Даже самый одинокий человек всё ещё принадлежит к человеческому роду, так о каком

одиночестве может идти речь?

Поэтому в этом большом классе каждый естественным образом ищет свою подгруппу. Даже если некоторые не хотят этого признавать или искать, они всё равно тяготеют к определённой группе. Встречая похожих людей, люди испытывают особые чувства.

Взаимное уважение, сочувствие, солидарность — всё это примерно так и работает.

Су Шэнь не рассмотрел лицо мужчины, но, вспоминая, почувствовал, что оно кажется знакомым.

Он списал это на эффект групповой принадлежности.

Когда мужчина помахал рукой, Су Шэнь перестал смотреть на него и пошёл по дороге.

На самом деле, часто такое сближение — это лишь иллюзия.

Например, тот хромой мужчина на самом деле не был инвалидом.

Он сидел, скрестив ноги, перед могилой, где Су Шэнь жёг бумажные деньги, и массировал онемевшие колени. Затем он достал из кармана перьевую ручку и заменил ею старую, ржавую. Ржавую ручку он положил в карман.

Су Шэнь постеснялся стряхнуть с себя пыль при том мужчине, но теперь, идя по дороге, где люди возвращались с кладбища, он посмотрел на свои рукава, покрытые снегом и грязью, и понял, что выглядит неприглядно. Как будто его ограбили.

Он быстро отошёл к обочине и начал стряхивать пыль.

Но кто мог его ограбить на кладбище?

Призраки?

К тому же это хлопковое поле было небольшим, и там находились только могилы семьи Су.

Минуточку.

Если это были только могилы семьи Су, то зачем туда шёл тот человек?

Су Шэнь задумался. Он не помнил такого родственника.

Поддавшись импульсу, он хотел развернуться, но в этот момент его кресло кто-то потянул, и, благодаря его собственной силе, оно совершило полный оборот, остановившись в прежнем направлении.

— Брат, — Сун Хайлинь, который потянул кресло, улыбнулся ему.

— Ты... танцуешь? — уставился на него Су Шэнь.

— Это я должен тебя спросить, ты сразу же начал крутиться, — он облокотился на подлокотник. — Что, круговой танец?

— Кукла и медведь танцуют, — ответил Су Шэнь.

— А? — Сун Хайлинь вдруг рассмеялся и, указывая на его голову, сказал:

— Брат, в канун Нового года ты что, продаёшься?

— В канун Нового года лучше бы язык держал за зубами, — сказал Су Шэнь, а Сун Хайлинь протянул руку к его голове.

Он хотел отмахнуться, но не успел, как Сун Хайлинь уже убрал руку, держа в пальцах маленькую сухую травинку. — Ты воткнул в голову травинку, серьёзно продаёшься?

Его вина, он не заметил её на голове.

Су Шэнь попытался выхватить травинку.

— Если не покупаешь, отдай.

— Покупаю, кто сказал, что не покупаю? — Сун Хайлинь спрятал травинку за спину. — Я же не позволю тебе попасть в чужие руки, буду умолять, чтобы купил тебя и поставил на почётное место.

— Только на почётное место, — согласился Су Шэнь. — Ты же видишь, что я не смогу работать.

Сун Хайлинь, крутя травинку между пальцами, обошёл кресло и начал толкать его.

— Тогда я забираю тебя домой.

— На почётное место?

— Ни за что не заставлю тебя работать, только на почётное место, — Сун Хайлинь одной рукой толкал кресло, а другой, держащей травинку, слегка потрепал его по голове, ещё больше растрёпав и без того беспорядочные волосы.

Су Шэнь остановил полузакрытый глаз.

Он не двигался, только уши слегка покраснели.

— В канун Нового года, — через некоторое время произнёс он.

В канун Нового года, тридцатого числа.

В каждом доме едят пельмени.

Су Шэнь стоял у входа на кухню, привязывая петарды к шесту, и смотрел, как бабушка бросает пельмени в кастрюлю.

Ещё не стемнело, но на улице уже раздавались взрывы петард — некоторые семьи поспешили сварить пельмени.

Он подбрасывал зажигалку, играя с ней, а бабушка, выловив один пельмень шумовкой, протянула ему:

— Попробуй, готовы ли.

— @#[]%###, — Су Шэнь, обжигаясь, пробормотал с набитым ртом.

— Готовы, можно вынимать, — бабушка, словно поняла, взяла тарелку и начала выкладывать пельмени. — Иди, запускай петарды.

— Хорошо.

Су Шэнь взял большую связку петард и пошёл к воротам. Только воткнул шест в снег, как Сун Хайлинь вышел из дома, а вокруг него бегал маленький ребёнок.

Оба держали связки петард, но Сун Хайлинь не привязывал свою к шесту. Он нашёл кривое сухое дерево у ворот и просто бросил петарды на него, затем помахал Су Шэню:

— Брат, на счёт три мы вместе поджигаем.

Не дожидаясь ответа, он начал считать:

— Раз!

Едва он произнёс «раз», как Су Шэнь поджёг фитиль.

После этого он резко откатился назад.

— Эй, — Сун Хайлинь, увидев, что Су Шэнь не следует его команде, поспешно тоже поджёг фитиль.

Но петарды Су Шэня ещё не начали взрываться, а его уже осыпало красными бумажными цветами.

Громкий взрыв.

Он, зажав уши, крикнул Су Шэню:

— Что ты делаешь?

— Мои...

Слова Су Шэня потонули в грохоте его петард.

Красные бумажки разлетелись под кресло, а дым, наполненный запахом селитры, наполнил воздух, создавая атмосферу Нового года.

Звуки петард постепенно стихли.

Бабушка Су, стоя во дворе с тарелкой пельменей, крикнула:

— Заходите, ешьте пельмени.

Последний взрыв раздался от петард Сун Хайлиня, висящих на кривом дереве, а беззубый ребёнок бегал вокруг.

Су Шэнь, прикрыв рукой рот, крикнул ему:

— Я удлинил фитиль.

После этого он помахал рукой и вошёл в дом.